

**ПРОБЛЕМА ДРУГОГО В ПОСТСТРУКТУРАЛИЗМЕ:
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКОЙ,
ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОЙ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКОЙ
ПРАКТИК**

Во второй половине XX века основными характеристиками сознания стали междисциплинарность, мобильность современного образа жизни, отказ от застывшей идентичности. Более того, в начале третьего тысячелетия жизнь общества видится не одномерной, а многомерной. Сегодняшний мир перестал представлять собой систему с четко выраженной иерархией. Современные тенденции, которые наблюдаются в обществе (плюрализм, децентрация, неопределенность, фрагментарность, изменчивость) показывают, что сегодня именно гетерогенность пронизывает все важные события жизни и сознания людей.

Принципы децентрации, фрагментарности, плюрализма выражаются прежде всего в разнообразии современного общества. Оно представляется совокупностью множества сообществ; при этом именно различие становится основным фактором современной жизни, но различие не как простое несходство составляющих компонентов многообразия, а как активное взаимодействие позиций, ценностей, идей.

В такой ситуации представления о себе во многом определяются в зависимости от встреч с множеством Других. Более того, Я постоянно замещается Другим(и); человек не есть то, что он есть. Человек совершает поворот в виде оборачивания на себя самого; само Я в каком-то смысле оказывается Другим по отношению к себе. Возникает представление о человеке как нетождественному самому себе и необходимости осознания себя с точки зрения Другого. Только когда человек вырывается из границ собственного Я, тогда ему предоставляется возможность встречи с самим собой. Становится понятным, почему Другой является одним из основополагающих понятий «постструктуралистско-деконструктивистско-постмодернистского комплекса» (термин И.П. Ильина) [6, 231].

В Новейшем философском словаре [8] Другой определяется как «понятие философии XX века, фиксирующее опыт встречи Я с подобной ему сущностью, представляющей, тем не менее, Иное по отношению к Я». То есть понятие Другой указывает на некую сущность, по отношению к которой оно является Другим. Понятие такой сущности и отправной точки есть понятие Я. Другой подразумевает наличие своей противоположности, то есть Я; более того, Другой указывает на свою инаковость по отношению к Я. Феномен Другого не может мыслиться без Я, которое его осознает, и которому оно является Другим. Таким образом Другой – это то, что не есть Я, но, однако, представленное в отношении ко мне.

Необходимо отметить, что Другой и его инаковость давно уже вышли за пределы сугубо философского дискурса. Так, например, А.М. Пятигорский полагает, что Другой и «свое» являются понятиями «литературной философии» [11, 264-270]; для М.В. Тлостановой, исследующей концепции культурной многосоставности и разнообразия, инаковость и Другой являются их неотъемлемой частью, поскольку «мультикультурная персона множественна, совмещает в себе различные текущие идентичности» [5, 267]; по мнению Ю.Н. Гирина, инаковость вообще «не столько научная категория, сколько духовная константа, мифологема...» [1, 145].

В данной статье мы рассмотрим проблему Другого в постструктурализме, который по справедливому замечанию И.П. Ильина, оказывает «сильнейшее влияние на литературоведение...» [6, 225]. В постструктурализме (Ж. Лакан, М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Деррида Ю. Кристева и др.) Я предстает как постоянная самоинтерпретация, находящаяся во взаимосвязи с интерпретацией мира Другим, с его интерпретацией Я; сами постструктуралисты порой обращаются к бессознательному.

Так, например, Ж. Лакан, рассматривая Другого¹, связывает его с областью бессознательного.² Лакан пытался выявить, как формируется психика ребенка с момента его появления на свет, как появляются определенные структуры восприятия мира и самого себя. Человеческая психика, по Лакану, состоит из нескольких структурообразующих «инстанций»: Воображаемого, Символического и Реального. Реальное представляет собой все то, что существует помимо субъекта и от его воли не зависит. К нему относятся, например, объекты внешнего мира. Реальное заявляет о себе в каждую секунду существования индивида. Оно всегда «здесь». Воображаемое может быть определено как «... комплекс... представлений, который человек создает сам о себе» [6, 240]. Оно формируется на «стадии зеркала», которую мы рассмотрим чуть ниже. Символическое представлено составляющими культуры, которые индивид усваивает бессознательно.

Определив «инстанции» (или «порядки», или «регистры»), обратимся к «открытию» Ж. Лакана – «стадии зеркала». «Стадия зеркала» была представлена Ж. Лаканом в 1936г., затем разработана им в статье «Зеркальная стадия как форматор функции “Я”» (1949г.). Почему, глядя в зеркало, ты говоришь, что это Я? Почему ты узнаешь себя? Ведь в зеркале Другой. Как ты узнал в нем себя? На эти вопросы отвечает психоаналитическая теория Ж. Лакана. Под «стадией зеркала» Лакан

¹ Ж. Лакан различал Другого с большой буквы и другого с маленькой буквы, «который и есть мое собственное “Я”».

² На самом деле проблема Другого как психологическая началась с З. Фрейда, который пришел к заключению, что Я не равняется Я. Он доказал, что Другой также является составной частью Я: «в психической жизни человека всегда присутствует “другой”» [13, 71].

понимал период в развитии ребенка, который длится приблизительно от 6 до 18 месяцев. В этом возрасте ребенок уже способен узнавать свое отражение в зеркале именно в качестве своего собственного. «Малыш, – пишет Лакан, – не умеющий не то что ходить, даже держаться на ногах, поддерживаемый либо кем-то из взрослых, либо искусственными приспособлениями... озабоченно рвется, вне себя от радости, из своих помочей и, наклонившись вперед, застывает, стараясь зафиксировать в поле зрения мгновенную картину собственного отражения» [7, 8]. Малыш с радостью встречает целостную форму тела, которую видит в зеркале. Он еще не может управлять своими движениями, однако в зеркале видит уже сформированный образ.

Основная функция «стадии зеркала» – установить отношения тела с реальностью. И это отношение, по Лакану, называется первичным Раздором. Лакан акцентирует внимание на том, что ребенок узнает свой образ в зеркале, в то время как животные безразличны к нему. У ребенка, рассматривающего свои движения, появляется возможность связать между собою фрагментарные переживания своего тела, что становится импульсом к началу психической активности, которая присуща исключительно человеку. «Стадия зеркала» является для малыша драмой. Целостный образ дается ребенку извне, и он предвосхищает овладение своими возможностями. Отражение себя в зеркале представляется первым опытом, когда человек видит себя самого, и в результате которого он осознает себя иным, чем он есть на самом деле. Таким образом, «стадию зеркала» можно свести к следующему: Я возникает через самоидентификацию с другим, оказывающимся образом тела Я; ребенок переживает опыт «себя» в качестве другого в отражении зеркала. «Стадия зеркала» завершается идентификацией с образом себе подобного, и в этот момент «все человеческое знание опрокидывается в состояние опосредованности желанием другого, образует в соперничестве с другим равноценные... объекты» [7,12].

Желание – одно из основных понятий теории Ж. Лакана. Человеческим желанием является желание Другого. Изначально другой – это собственное отражение в зеркале. Существует тело реальное, то, которое ребенок ощущает в качестве раздробленного и тело идеальное, совершенное, которое он видит в образе другого. Человек видит в другом собственное отчужденное желание, он распознает свое желание в теле другого. Узнавание своего желания в теле другого является тем моментом, когда у человека происходит, по Лакану, «отделение сознания в качестве самосознания».

Человек склонен испытывать желание Другого там, где имеется конкуренция, соперничество. Объектом желания может обладать кто-то один: либо он, либо Я. Следовательно, удовлетворение желания может произойти лишь в том случае, когда желаемый объект будет уничтожен.

Другой является завершенной формой, которая вызывает во мне зависть; он обладает чем-либо недоступным мне в данный момент и вызывает желание оказаться на его месте. Я хочу, чтобы Другого не было, а на его месте был я сам.³

Без вмешательства символического, без взаимного признания любой Другой является лишь носителем отчужденного желания. К системе символического можно отнести, например, язык и игру. Посредством языка Я вступаю с Другим в символическую связь. Символические правила игры ограничивают мое желание. В игре не происходит уничтожение соперника: ее участники подчиняются символическим правилам, которые делают возможным существование игры. В игре Я признаю запрет на уничтожение Другого, признаю сам факт его существования: «игра, – пишет Й. Хейзинга, – необходима индивиду как биологическая функция, и она необходима обществу в силу заключенного в ней *смысла*, в силу своего *значения*, своей выразительной *ценности*, в силу завязываемых ею духовных и социальных связей – короче, необходима как культурная функция. Игра удовлетворяет идеалы коммуникации... [курсив наш. – Д.П.]» [16, 19]. Игра в частности, как и Символическое в целом не мыслят себя без признания Другого, который гарантирует мое собственное существование, так как уничтожение Другого уничтожает и самого субъекта вследствие зеркальности отношений. Ведь Другой оказывается нужен для того, чтобы увидеть свой собственный мир во всем его противоречии.

Другой принадлежит «порядку» Символического, ибо «как только... ребенок столкнется с Другим, он немедленно... начинает защищаться от реальности посредством языка» [9, 343]; Другой означает для него встречу с культурой. Так как Символическое, по Лакану, усваивается в основном бессознательно, то его известный афоризм «Бессознательное – это дискурс Другого» может быть интерпретирован следующим образом: в процессе развития человека решающим оказывается момент овладения символической составляющей культуры. При этом Другой представляется как инстанция, которая контролирует наши способы вхождения в мир символов. Более того, по Лакану, человек всегда ищет себя через Другого, часто изобретая и Другого и себя.

Отметим, что лакановская концепция не замыкается рамками психоанализа; его идеи применяются и в сфере литературы. Так, например, И.П. Ильин указывает на работу Динизла Ганна «Психоанализ и литература: Исследование границы между литературным и психоаналитическим» в качестве «примера более или менее буквального

³ Интересно отметить, что Ж. Делез также полагает, что существует связь между понятиями «желание» и «Другой»: «... мое желание проходит через другого, и через другого оно обретает свой объект. Я не могу желать ничего, что нельзя увидеть, помыслить и чем не обладает возможный другой. Это – основа моего желания. Всегда именно другой связывает мое желание с объектом» [2, 401]. У Делеза желание, таким образом, также реализуется посредством Другого.

переноса собственно лакановских представлений на сферу художественной литературы» [6, 245]. Или, например, Дуглас Келнер пишет о том, что «... лакановское прочтение Фрейда было подхвачено лингвистами и *литературоведами*, культурологами и социологами [курсив наш. – Д.П.]» [6, 246].

Если теорию Ж. Лакана используют для различных интерпретаций в художественном творчестве, то Ж. Делез проецирует свою концепцию Другого непосредственно на художественное произведение для апробации собственных взглядов на проблему. Другой может быть осмыслен как структура, делающая возможным мир, и дающая нам шанс воспринимать объекты. Такую интерпретацию мы и встречаем у Ж. Делеза.

Жиль Делез развивает тему Другого, обращаясь к роману французского писателя Мишеля Турнье «Пятница, или Тихоокеанский лимб». Делез написал к нему статью-комментарий под названием «Мишель Турнье и мир без Другого». В самом названии романа Турнье содержится аллюзия на другой известный роман о приключениях Робинзона писателя Даниеля Дефо, только роман Турнье назван по имени Пятницы. Сходство романов чисто внешнее: роман Турнье представляет собой версию истории Робинзона на необитаемом острове, которая значительно отличается от созданной Дефо.

Робинзон Турнье отказывается покинуть остров, который он первоначально назвал Сперанцей (Надеждой). Он был однажды заброшен на дикий необитаемый остров, организовал там свой труд и встретил Пятницу. Робинзон порывает с тем, чтобы вернуться в человеческое общество и переживает новое «рождение» на острове. Мы замечаем склонность к философствованию у Робинзона, которая выражается в введении дневника. Робинзон представляется рефлексующим героем.

Жиль Делез полагает, что, в отличие от романа Д. Дефо, «Пятница, или Тихоокеанский лимб» иначе ставит проблему человека на необитаемом острове. Эксперимент Турнье, по словам Делеза, состоит в «островном мире без другого». Развивая тезис, Делез анализирует, что есть человек без Другого на своем острове? Почему вопрос об этом Другом, а вернее об его отсутствии стоит так остро в статье-комментарии Ж. Делеза?

Делез сразу предлагает нам следующий план: «посмотрим посему сначала, что же означает другой по своим действиям или последствиям: рассмотрим последствия отсутствия другого на острове, выведем следствия присутствия другого в обычном мире, заключим, что же есть другой и в чем состоит его отсутствие» [3, 285]. Кажется, что мир без Другого звучит парадоксально, так как мир – всегда мир Других. Мир без Другого сразу ставит под сомнение сам мир, в котором не стало Другого. Возможен ли такой мир одиноких и изолированных Я, где никто ни к кому не обращается на Ты? Полагаем, что в мире, в котором отсутствует Другой, не может быть и того Я, которое рождается каждый раз в

обращении к Ты. Человек находит, формирует свое Я благодаря встрече с Ты. Интересно, что в отсутствии Другого человек может стать своим собственным исследователем, и если он ведет дневник, наблюдает за собой, то он не один. В нем есть еще и Другой. Другим в данном случае является он сам.

Задавшись вопросом, что произойдет в замкнутом мире без Другого, постараемся выяснить, как пишет Делез, эффекты присутствия этого Другого. Это необходимо для того, чтобы понять, кем является Другой и что это такое. Делез пишет в комментарии к роману «Пятница или Тихоокеанский лимб», что знание о мире возможно только через других людей. В романе Робинзон ни на минуту не забывает о существовании где-то там, в другом мире реальных людей.

Делез считает, что в выяснении вопроса о том, кто же такой Другой, многие исследователи допускают ошибку, анализируя его в терминах объекта и субъекта. По Делезу, Другой «... не есть ни объект в поле моего восприятия, ни субъект, меня воспринимающий, – это, прежде всего, структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает. ... Но какова эта структура? Это структура возможного» [3, 287]. Таким образом, Другой по Делезу – воплощение категории возможного. Более того, «наполняющий мир возможностями, задними планами, окраинами и переходами, предписывающий возможность... мира –... это и есть другой» [2, 406-407]. Следовательно, мир без Другого оказывается миром без «потенциальностей».

На наш взгляд, самым интересным в интерпретации Ж. Делезом Другого является то, что, по его мнению, «другой есть структура». Но о каком Другом говорит Делез? Нам кажется, что он говорит о Другом как возможном, Другом как о структуре поля восприятия. Впрочем, он и сам в этом признается: «Мы должны тем самым отличать априорного Другого, указывающего на эту структуру, и этого другого, того другого, ... осуществляющие структуру в том или ином поле» [3, 299]. В концепции Делеза – два Других: «конкретный» Другой и «априорный» Другой. Один Другой не исключает другого Другого, ибо «априорный» Другой обеспечивает существование возможного мира вообще, несет в себе саму возможность этого мира как таковую, а «конкретный» Другой «обозначает реальные элементы», именно он актуализирует структуру возможного мира.⁴ Представляется очевидным, что возможное может стать реальным, когда оно выражено, актуализировано.

⁴ О взаимосвязи «конкретного» и «априорного» Других в художественном тексте см.: Половцев Д.О. Присутствие Другого в рассказе Э.М. Форстера «Доктор Шерстихлоп» // Личность–слово–социум: Материалы 5-ой Международной научно-практической конференции, 13-15 апреля 2005г., г. Минск: В 2ч. Ч.1 / Отв. ред. В.В. Фалалеев. – Мн.: ЧУП «Паркус плюс», 2005. – С. 41-43.

По мнению Ж. Делеза, Турнье по-своему отвечает на вопрос о том, что станет с человеком, оставшемся в одиночестве, без Другого, тем самым определяя функцию Другого. Робинзон Турнье пишет в своем дневнике: «Мне не дает покоя проблема существования. Если бы несколько лет назад мне сказали, что отсутствие других людей однажды заставит меня усомниться в существовании, я бы лишь усмехнулся» [12, 142]. Делез интерпретирует это следующим образом. Мы никогда не смотрим на мир прямо, но лишь через Другого. Только с его помощью мы постигаем мир.

Что же происходит, когда Другой отсутствует в структуре мира? С исчезновением структуры Другого рушится категория возможного: «перестав тянуться и склоняться друг к другу, объекты угрожающе встают на дыбы; мы обнаруживаем теперь уже нечеловеческую злобу... Больше ничего не продолжает существовать – кроме непреодолимых глубин, абсолютных расстояний и различий или же, напротив, невыносимых повторений ...» [3, 287].

Итак, для Ж. Делеза Другой является выражением возможного мира, однако, отметим, что мир Я должен отступить, чтобы «развернулся» мир Другого. До появления Другого у Я имелся собственный мир. Другой как возможный мир захватывает Я, он желает стать возможным.

Концепция Ж. Делеза, полагающего Другого как структуру, не противоречит теории французского ученого М. Фуко, для которого Другим является безумец. Безумие и безумец – ключевые понятия системы М. Фуко. По Фуко, смысл человеческого существования, способность человека к самопознанию проверяется отношением к безумию, которое существует как в себе, так и вне себя. У Фуко вся история человечества является историей безумия, которому он посвятил одну из своих первых книг «Безумие и неразумие: История безумия в классическую эпоху» (1961г.).

М. Фуко всегда интересовало то, что выявляет другость, инаковость в человеке. Примечательно, что «как все ... постструктуралисты, – пишет по этому поводу И.П. Ильин, – он [М. Фуко. – Д.П.] видел в литературе наиболее яркое и последовательное проявление этой “инаковости”, которой... лишены тексты философского и юридического характера» [6, 18].

По мнению Фуко, грань между нормальным и безумным подвижна: «человек и безумный объединены связью неуловимой и взаимной истины; они говорят друг другу эту истину о своей сущности» [15, 316]. В безумии, как полагает Фуко, существует проблеск «истины», который недоступен разуму. Более того, некоторые врачи, например, Б. Де Соваж в своей «Методической нозологии» признавали, что безумие недоступно восприятию даже при помощи чувств.

Анализ становления безумия⁵ в европейской истории позволил сформировать Фуко концепцию «дисциплинарной власти», где он делает акцент на роли безумия и безумца в становлении европейской рациональности. По мнению исследователя, в конце средних веков культуру Европы охватили тревога и беспокойство; безумец нес в себе «и угрозу, и насмешку, и головокружительную бессмыслицу мира, и смехотворное ничтожество человека». Безумие при всем при этом полагалось скрытым от всех знанием, соприкасающееся с «высокими порывами свободного духа и несравненной добродетели» (по определению М. Монтеня). В эпоху Возрождения сумасшедшие вели бродячий образ жизни: «эпоха Возрождения выпустила на свободу голоса Безумия, сумев умирить их неистовую силу; классическая эпоха... заставила Безумие умолкнуть» [10, 343]. Только в XVII в. безумие превратилось в острую социальную проблему. Век спустя сумасшедших стали «территориально изолировать», и начался период «великого заключения»: по всей Европе появились «дома призрения», куда, наравне с сумасшедшими, помещались нищие, бродяги, безработные, преступники. В XIX веке стали появляться психиатрические лечебницы, появилось понятие «душевной болезни» и т.д.

В концепции «дисциплинарной власти» посредством фигуры Другого (безумца) М. Фуко рассматривает становление дисциплинарного общества, в котором человек постоянно «переходил от одного пространства заключения к другому». К этим «пространствам заключения» Фуко относит школу, фабрику, госпиталь, тюрьму, которая, по мнению ученого, является самой законченной формой заключения: «именно тюрьма служила базовой моделью остальным пространствам заключения». В дисциплинарном обществе существует всеобщая типизация, которая стремится заклеить нетипичное. Соответственно в таком обществе Другие являются социальными изгоями и подвергаются исключению из общества, изоляции.

М. Фуко в «Истории безумия в классическую эпоху» раскрыл историю иного, того, что имманентно культуре и в то же время ею отчуждается: случайности, непоследовательности, нетипичности.

Нет сомнений, что концепция Фуко остается актуальной и в XXI веке: безумец, который «присутствует в каждом» ставит человека на грань, человек *постоянно балансирует* на этой грани, именуемой «Я – Другой». Так, например, Ю. Кристева посвящает параграф книги «Чуждые самим себе» (“The Strangers to Ourselves”) [17] обоснованию тезиса о том, что Другой является бессознательно отторгнутым аспектом моего Я («Другой

⁵ Вот как Фуко определяет безумие: «Безумие есть разум плюс малая толика негативности; нет ничего более близкого к разуму и ничего более отличного от него; это разум, помеченный несмываемой надписью: Неразумие» [14, 196]. Следовательно, безумие существует лишь благодаря разуму и ради него: «оно [безумие. – Д.П.] заслоняет собой все его оно [разума. – Д.П.] неразумие» [14, 188].

внутри нас»). По ее мнению, «чужое» находится в нас самих: оно – скрытая сторона нашей личности. Так же полагает и С. Жижек: «... наша нетерпимость к внешнему (этническому, половому, религиозному) Другому [это] суть выражение якобы “более глубокой” нетерпимости к вытесненной или отринутой инаковости в нас самих: мы ненавидим и нападаем на чужое, потому что не можем прийти в согласие с чужаком в себе» [4, 162]. Следовательно, для гармоничного существования, человеку необходимо найти примирение не только с внешней инаковостью, но и с инаковостью внутри себя. Или, говоря словами классика английской литературы Э.М. Форстера, он должен «соединиться» (“connect”).

Нам представляется верным утверждение И.П. Ильина, что «практически для всех постструктуралистов было важно понятие “Другого” в человеке, или его собственной по отношению к себе “инаковости” – того не раскрытого *в себе* “другого”, “присутствие” которого в человеке, в его бессознательном, и делает человека нетождественным самому себе [курсив наш. – Д.П.]» [6, 23]. Например, по утверждению Ж. Лакана, не существует человека без частицы безумия внутри него. Полагаем, что с одной стороны, присутствие Другого делает человека нетождественным самому себе, но, с другой стороны, без Другого как неотъемлемой части своей идентичности нет системы различий «Я» – «не Я», «свой» – «чужой», «мы» – «они» и т.д.

Итак, несмотря на то, что теоретические основы различных концепций Другого оказались разработаны преимущественно в рамках философского дискурса, проблема Другого является междисциплинарной. Так, например, политические теории сконцентрированы на изучении классовых Других; феминизм исследует женскую друговость; эстетика изучает художественную инаковость; психоанализ требует рассмотрения Другого-внутри-себя и т.д.

Представители постструктурализма внесли свой вклад в разработку проблемы инаковости и Другого. Так, некоторые его представители (Ж. Делез, например) разрабатывали категории инаковости и Другого и проецировали собственные гипотезы на литературные произведения; концепции других (Ж. Лакана, М. Фуко, например) используются для интерпретации литературных произведений. Следовательно, с позиций постструктурализма существуют все основания полагать категорию Другого категорией, основанной на синтезе дискурса философии, психоанализа и литературоведения.

Литература

1. Гирин Ю.Н. Инаковость латиноамериканской культуры: поэтика Хосе Лесама Лимы // Латинская Америка. – М., 1997. – №8-9. – С. 145-151.

2. Делёз Ж. Логика смысла: Пер. с фр. – Фуко М. *Theatrum philosophicum*: Пер. с фр. – М.: «Раритет», Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 480с.
3. Делез Ж. Мишель Турнье и мир без другого // Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб, СПб. 1999.
4. Жижек С. Война в Ираке: В чем заключается подлинная опасность? // Логос, №1 (36) . М., 2003.
5. Западное литературоведение XX века: Энциклопедия. – Москва: Intrada, 2004. – 560с. (ИНИОН РАН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел литературоведения).
6. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. Москва: Инион РАН – Intrada. 2001. – 384с.
7. Лакан Ж. Стадия зеркала и ее роль в формировании функции Я // Инстанция буквы в бессознательном, или Судьба разума после Фрейда. М., 1997.
8. Новейший философский словарь. Минск, 1998.
9. Новейший философский словарь: 3-е изд., исправл. – Мн.: Книжный Дом. 2003. – 1280с.
10. Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом. 2001. – 1040с.
11. Пятигорский А.М. Избранные труды. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 590с.
12. Турнье М. Пятница, или Тихоокеанский лимб. СПб., 1999.
13. Фрейд З. Массовая психология и анализ человеческого Я // Я И Оно. Тбилиси, 1991.
14. Фуко М. История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997. – 576с.
15. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М., Ad Marginem, 1999.
16. Хейзинга Й. *Homo Ludens*. В тени завтрашнего дня. М., 1992.
17. Kristeva J. *Strangers to Ourselves*. N.Y., 1991.